

СХОДСТВО ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ МЕДИЦИНЫ И НЕКОТОРЫХ МЕДИЦИНСКИХ ШКОЛ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

В.Г. Лазаренко

Факультет повышения квалификации врачей, Ижевская государственная медицинская академия (г. Ижевск)

The similarity of theoretical principles of Traditional Chinese Medicine and medical schools of Ancient Greece

V.G. Lasarenko

Doctors retraining faculty, Izhevsk State Medical Academy (Izhevsk, Russia)

РЕЗЮМЕ

Содержание некоторых трудов древнегреческих философов и врачей свидетельствует, что принципиальных противоречий между восточной и западной медициной в древности не было. Эмпедокл (V в. до н.э.) и Алкмеон (IV в. до н.э.) пользовались принципами, аналогичными основам традиционной китайской медицины: дуализмом, учением о непрерывном взаимопревращении первоэлементов (стихий), циркуляции жизненной энергии по каналам, отличным от кровеносных сосудов. Это дает основание считать, что нет причин радикального противопоставления восточной и западной медицины, ввиду их значительного теоретического единства.

Ключевые слова: теоретические основы, Эмпедокл, Алкмеон, традиционная китайская медицина, Древняя Греция.

RESUME

The content of certain works of Ancient Greek philosophers and physicians shows no fundamental contradictions between the eastern and western medicine in ancient times. Empedocles (V century. BC) and Alcmaeon (IV century. BC) used principles similar to those of the basics of Traditional Chinese Medicine: dualism, the doctrine of continuous interconversion of primary elements, the circulation of vital energy through the channels other than blood vessels. This suggests that there is no reason for radical opposition of the eastern and western medicine, because of their considerable theoretical unity.

Keywords: theoretical foundations, Empedocles, Alcmaeon, Traditional Chinese Medicine, Ancient Greece.

В настоящее время «общим местом» является мнение об уникальности традиционной китайской медицины (ТКМ). Но, если для многих ее практических методов это полностью справедливо, то относительно теоретических основ данное утверждение может быть оспорено. Выяснение истинного положения вещей, на наш взгляд, имеет значительное прикладное значение, поскольку в значительной степени будет содействовать реализации принципов интегративной медицины. Причем, действительной реализации и прекращению споров между специалистами, понимающими важность широкого внедрения ТКМ в практику современного здравоохранения, и противниками «чудес» и «тайн» ТКМ. Между тем, никаких чудес и тайн на самом деле, нет. Имеет место лишь недостаточное знакомство как с ТКМ, так и с основами древней западной медицины.

Изучение трудов древнегреческих философов и врачей свидетельствует, что противоречий между восточной и западной медициной в древности, по сути, не было.

Для понимания этого необходимо, прежде всего, обратиться к трудам Эмпедокла – знаменитого философа, родившегося около 484–481 г. до н.э. в Акраганте на Сицилии и умершего около 424–421 г. до н.э. Однако они сохранились лишь во фрагментах, практически неизвестных не только широкой медицинской общественности, но и историографам медицины. Диоген Лаэртский, афинский грамматик первой половины III века, оставил о нем очень ценные сведения, другие сообщения, как правило, весьма скудны. Обобщая массу древних данных, Диоген подробно рассказывает об этой сложнейшей для понимания личности, значение которой для истории медицины еще

далеко, на наш взгляд, не оценено. Однако эти подробности почти не касаются собственно медицинской деятельности Эмпедокла, если не считать указаний «Эмпедокл исцелил некую Панфею из Акраганта, которую врачи признали безнадежной», а также «Его поэмы «О природе» и «Очищения» достигают пяти тысяч стихов, а «Врачебное слово» – шестисот стихов» [2, с. 330–336]. Представляется необходимым более детально исследовать не только медицинскую деятельность Эмпедокла, но и прояснить некоторые ошибочные суждения о нем. Классик этнологии Д.Д. Фрэзер довольно язвительно отзывался о его личности, что проявилось в оценке деятельности великого философа, фактически помещая его в весьма неоднозначный перечень древних объектов поклонения [6, с. 98]: «Древние египтяне поклонялись не только кошкам, собакам и прочему мелкому зверью, но и людям <...> В классической Греции Эмпедокл выдавал себя не просто за чародея, но за бога, утверждая, что может научить своих учеников, как вызывать или успокаивать ветер, вызывать дождь и сияние солнца, изгонять болезнь и старость, воскрешать мертвых».

Отечественная медицинская историография располагает в отношении этого великого мыслителя и врача лишь кратким резюме В.П. Карпова: «Философ и врач Эмпедокл известен, прежде всего, своим произведением «О природе», где излагается учение о четырех стихиях, отзвуки которого дошли до нового времени; в деятельности его как врача, по видимому, большую роль играли шарлатанство и мистицизм как ответ на требования эпохи (пышные одежды, обряды очищения, заклинания). Такое направление резко отличалось от строгих правил врачебного поведения и рационализма асклепиадов книдской и косской школ и не могло рассчитывать на их сочувствие» [3, с. 46]. Владимир Порфирьевич Карпов (1870–1943), выдающийся отечественный ученый – биолог, морфолог, философ, историк науки. Один из организаторов и первый ректор (1918–1925) Екатеринославского (Днепропетровского) университета. Большой знаток древнегреческого и латинского языков, крупнейший специалист по наследию Аристотеля (первым в России перевел его труды по биологии) и Гиппократов. Без великолепной редакции В.П. Карпова едва ли было бы возможно первое и пока единственное полное издание на русском языке «Гиппократовского корпуса» в 1939–1943 гг., лишь сокращенно воспроизведе-

нное в 1994 г. Тем самым, он внес огромный и неоценимый вклад в российскую медицинскую историографию. Однако, по всей видимости, В.П. Карпов не был близко знаком с текстами самого Эмпедокла. Иначе ничем не объяснить его достаточно нелицеприятную оценку. Представляется, что подлинные мысли Эмпедокла были бы вполне созвучны идеям самого В.П. Карпова, развивавшего учение о витализме и организме, как самоорганизующейся системе. Поэтому необходимо более детально исследовать не только медицинскую деятельность Эмпедокла, но и прояснить некоторые ошибочные суждения о нем.

К счастью, мы имеем возможность пользоваться работами Генриха-Романа Ивановича Якубаниса, исполнявшего до 1917 г. обязанности экстраординарного профессора кафедры философии Киевского университета, а после эмиграции преподававшего в Люблинском университете. На наш взгляд, до настоящего времени это лучшая русскоязычная работа об Эмпедокле, тем более что она основана на сохранившихся оригинальных отрывках его поэм. Ниже мы приводим перевод Г. Якубаниса сохранившихся текстов Эмпедокла. Важны также его комментарии (в круглых скобках по ходу цитаты), где выделение курсивом принадлежит ему же. Отвечая на некорректное сравнение Эмпедокла с бродячими «софистами-чудодеями» эпохи Возрождения и с современными южноитальянскими «взбалмошными» демагогами, Г. Якубанис подчеркивает: «Что общего между величавыми, глубокомысленными идеями Эмпедокла и пошлым, бессмысленным фразерством современных нам риториков-демагогов? Или между искренним, опирающимся на реальные факты, сознанием собственной гениальности и своих великих общественных заслуг у высоко чтимого современниками первого гражданина Акраганта, которому, по преданию, соотечественники предлагали даже царскую корону, как выражение признательности за оказанные родному городу благодеяния, и между напыщенным шарлатанством бродяг-чудодеев, наводнявших Италию в конце средних веков? <...> Несмотря на остроумие и проницательность новейших попыток к восстановлению нарушенной и затемненной для нас временем цельности его системы, общая картина мирозерцания продолжает оставаться невыясненной, а личность философа – загадочной. Существует красивый легендарный рассказ, будто жители Акраганта воздвигли Эмпедок-

лу памятник-колонну, на котором изобразили своего великого соотечественника с закрытым лицом. Этот художественный замысел оказался пророческим» [12, с. 17–19].

Но лучше всего о действительных мыслях и деятельности Эмпедокла говорят его труды. Он без обиняков констатирует во фрагменте 112 поэмы «Очищения»: «Я шествую среди вас бессмертным богом, а уже не смертным [человеком], в почете у всех, как то и надлежит, кругом увенчанный перевязями и зеленеющими гирляндами. Когда я вместе с ними, мужами и женами, прибываю в цветущие грады, меня окружает благоговейное поклонение. И они несметною толпою следуют за мной, вопрошая, где стезя [ведущая] к пользе, одни – имея нужду в прорицаниях, другие же стараются услышать целительное от различных недугов слово, подлинно долго терзаемые тяжкими страданиями» [7, с. 121]. О том, что же все-таки могут получить страждущие знаний и/или исцеления от Эмпедокла, осознающего себя, на основе глубоких знаний и невероятных умений, действительно богоподобным, недвусмысленно говорит фрагмент 111 поэмы «О природе»: «Ты узнаешь все, какие только есть, целебные средства, предохраняющие от недугов и от старости, так как для одного только тебя сделаю я все это. Будешь прекращать ярость неутомимых ветров, которые, устремляясь на землю, губят [своими] порывами нивы; и опять, если пожелаешь, ты возбудишь [их] вознаграждающее [раньше причиненный вред] дыхание. После мрачного ненастья будешь доставлять людям благовременное ведро, а после летней засухи будешь доставлять питающие деревья потоки [дождя], которые и прольются из [небесного] эфира; а также будешь возвращать из Аида душу (*Μένοϋς* – соб.: жизненная сила, жизнь, что совпадает с понятием *ψυχή* – Г.Я.) усопшего человека» [7, с. 120–121]. Таким образом, ученикам, но, видимо, только ближним («искренним»), гарантируется овладение не только магическими приемами, в т.ч. управления погодой и оживления умерших, но и овладение «всеми, какие только есть, целебными средствами, предохраняющими от недугов и от старости». Становится очевидно, что Эмпедокл стал предметом всеобщего поклонения не как жулик-чародей и, тем более, не как «культовое существо» типа священной кошки или собаки. Он призывал всем своим авторитетом людей изучать природу и овладевать способами сохранения здоровья.

Что касается мировоззрения Эмпедокла, то еще в древности было общепризнано его первенство в создании учения о составляющих всего сущего – «четыре корня», первоэлементах или стихиях (огонь, воздух, вода и земля). Это широко известно и сегодня, однако воспринимается крайне упрощенно. Основным сохранившимся свидетельством здесь является фрагмент 17 поэмы Эмпедокла «О природе», который включает в себе главные положения натурфилософии великого мыслителя: «Двойное поведаю. Ибо то из многого срastaется единство, то, наоборот, из единого прорастает многое. Двойка также возникновение тленных созданий, двойка и прехождение: это последнее (т.е. *прехождение*) всеобщим соединением и порождается и уничтожается, а первое (т.е. возникновение), будучи вызвано к жизни благодаря [всеобщему] прорастанию [из недр безразличного Сфероса], снова исчезает [под постепенно возрастающим воздействием разлагающей Вражды]. И этот непрерывный переход [стихий из одного состояния в другое] никогда не прекращается: то силою Любви сходятся все они воедино, то, наоборот, ненавистью Вражды несутся врозь друг от друга. Таким образом, поскольку единое неизменно рождается из многого, а из прорастания единого снова выделяется многое, постольку они (т.е. *стихии*) возникают, и век у них нестойкий. Но поскольку непрерывный переход из одного состояния в другое никогда не прекращается, постольку они существуют всегда в неизменном круге <...> Все они (т.е. *стихии*) равны и одновременны по происхождению, но одна выполняет одно назначение, другая – другое, и каждая обладает особым свойством, и поочередно господствуют они в круговращении времени. Ведь к ним ничего не прирождается и ничто [из них] не прекращает существования, так как, если бы они непрерывно уничтожались, то их бы уже более не было, да кроме того, какая и откуда взявшаяся сила возрастила бы [оскудевшую] вселенную? Итак, они остаются теми же самыми, но, проникая друг друга, в одном месте становятся одной вещью, в другом – другой, оставаясь вечно подобными [сами себе, т.е. тождественными]» [7, с. 92–93]. Фрагмент 26 [11, с. 100–101] гласит: «Поочередно господствуют они (*стихии*) в круговращении [вселенского] цикла (т.е. в круговом течении последовательных периодов великой мировой драмы, вселенского процесса): то оскудевают (качественно, не количественно; чахнут, ослабевают силами, а не «исчезают»,

что, по ясным и многократным заявлениям философа, противоречило бы самой сущности стихии) они одна за другой, то возрастают (опять-таки качественно, или, точнее, с точки зрения преобладающего воздействия на другие стихии) в роковом чередовании <...> Из прорастания единого снова выделяется многое, постольку они (*стихии*) возникают, и век у них нестойкий. Но, поскольку непрерывный переход из одного состояния в другое никогда не прекращается, постольку они существуют всегда в неизменном круге».

В этих фрагментах, важнейших для понимания сути учения Эмпедокла о четырех составляющих всего сущего (первоэлементах или стихиях), имеется фундаментальный момент, ускользнувший, как нам представляется, от внимания предыдущих исследователей. Из слов, подчеркнем – самого Эмпедокла, а не каких-либо комментаторов, следует, что четыре «стихии» представляют собой не просто «первокирпичики», из которых складывается все сущее. Это динамическая система непрерывных переходов одной «стихии» в другую, причем – в зависимости от времени года, т.е., говоря современным языком, изменение энергетических характеристик. А это есть не что иное, как абсолютное подобие китайской концепции У син («пяти первоэлементов», а точнее – «пяти переходов»), как нам известно – краеугольного камня традиционной китайской медицины (ТКМ), обеспечившего ее успешность в течение тысячелетий и до настоящего времени. Таким образом, совершенно беспочвенно, например, следующее противопоставление, с целью подчеркнуть «уникальную функциональность» У син: «Пять стихий (в ТКМ – В.Л.) – это не Пять первоэлементов, подобные «четырем корням», «первостихиям» Эмпедокла» [3, с. 29].

Для более глубокого понимания сути учения Эмпедокла, в медицинском плане, обратимся к фрагменту 100 поэмы «О природе» [7, с. 80], который, кстати, сам Аристотель дословно (видимо, ему совершенно было нечего изменить или добавить к этому блестящему прозрению Эмпедокла!) цитирует в главе 13 своего труда «О дыхании»: «Вот как дыхание тварей живых происходит: из плоти трубки, лишенные крови, к поверхности тела проходят, в устьях которых наружные кожи покровы сквозными мелкими щелями густо усеяны, так что для крови доступа нет, но эфир проникает легко чрез отверстия. Всякий раз как оттуда нежная кровь отливает, бурной волною эфир устрем-

ляется внутрь с клокотаньем <...> Воздух вовнутрь устремляется, влага же прочь вытекает. Так, всякий раз, когда нежная кровь, разлитая по членам, вспять обращаясь, вовнутрь отливает течение эфира. Тотчас же, бурной волною вздымаясь, ей вслед проникает. Но, с возвращением ее, он вновь вылетает обратно». Здесь Г. Якубанис при переводе значительно искажает смысл, поскольку, как и все прежние европейские авторы, переводит слово «пневма» как «воздух» и не может понять, какие могут быть у человека сосуды, кроме кровеносных. Но мы отчетливо видим, что здесь Эмпедокл излагает учение о каналах циркуляции жизненной энергии (эфира), до настоящего времени считавшееся исключительным достижением медицины Древнего Китая.

Учение Эмпедокла легло в основу италийской и сицилийской медицинских школ Древней Греции. Какова была их практическая деятельность, об этом никаких сведений не сохранилось: их врачи известны больше как теоретики медицины, переносившие в эту область натурфилософские построения. Кротонский философ и врач Алкмеон под влиянием идей пифагорейской школы, тоже расположенной на Сицилии, создал учение о здоровье, в основе которого лежала идея равновесия противоположных «сил» – теплого и холодного, сухого и влажного, сладкого и горького и т. д. Заболевание организма вызывается нарушением этого равновесия. Диоген Лаэртский делает об этом очень важное сообщение: «Он был слушателем Пифагора, писал, главным образом, о врачевании, но подчас и о природе, говоря так: «У человека большею частью всего по два. По-видимому, он первый написал рассуждение о природе» [2, с. 329]. Таким образом, Алкмеон развивал учение о кразисе – правильном смешении свойств элементов (стихий), характерном для здорового организма, и дискразии, или акразии, – неумеренном, неуравновешенном их смешении, вызывающем болезнь. Учение это, если не обращать внимания на подробности, легло в основу патологии всех греческих медицинских школ [4, с. 46]. И здесь очевидна значительная близость с учением о патогенезе в ТКМ. Алкмеон считается первым, кто ввел в греческую медицину дуалистические категории, подобные китайским инь и ян, но мы видели, что и Эмпедокл основывался на дуализме, как основе формирования четырех первоэлементов всего сущего. Чаше всего из младших представителей сицилийской шко-

лы исследователи выделяют Филистиона из Локр, современника и друга Платона, известного тем, что, предположительно, уже в IV в. до н. э. он производил анатомические вскрытия, арушая тем самым религиозную традицию греков [5, с. 7]. Нет сомнения, что Филистион со скальпелем в руке исследовал человеческое сердце. Замечательный трактат «О сердце» из «Гиппократовского корпуса», по мнению авторитетных специалистов, с большой долей вероятности принадлежит Филистиону [1, с. 418]. Но, на наш взгляд, гораздо любопытнее фрагмент 105 поэмы Эмпедокла «О природе», показывающий, что великий мыслитель полагал функцию сердца более широкой, чем «перекачивание крови» [11, с. 118]: «[Сердце] живет в волнах быстро обращающейся крови, и в нем *находится то, что* зовется, обыкновенно, у людей мыслью, потому что мысль у людей есть *[не что иное, как]* омывающая сердце кровь». Практически все комментаторы – и древние, и более поздние увидели здесь только тезис о том, что «Мысль человека есть кровь». Мы же считаем необходимым обратить внимание на положение о том, что «в сердце находится то, что мы называем мышлением», поскольку здесь имеется четкая параллель с ТКМ. В ней каналу-органу Сердце отводится, как известно, главная роль в регуляции процессов сознания и мышления, а при нарушениях функции данного канала нередко развиваются нарушения психики, вплоть до самых серьезных.

В.П. Карпов подчеркивает, на наш взгляд, важнейший момент для всей древней медицины: «Учение о пневме – воздухе, дыхании – как важном жизненном агенте (в основе своей египетское), которое мы встречаем и в «Гиппократовом сборнике», особенно выдвигалось итальянской школой. Эта школа перешла в историю как школа теоретических спекулятивных построений, как предвосхищение будущего, но по своему историческому значению никоим образом не может быть поставлена наряду с чисто врачебными школами, – книдской и косской» [4, с. 46]. На наш взгляд, очень верно подмечено – именно учение о жизненной энергии – пневме, если бы оно было в дальнейшем разработано с такой же тщательностью, как древнекитайское учение об энергии-ци, могло бы обеспечить жизнеспособность традиционной греческой медицины на века. Этого, к сожалению, не произошло – предвосхищение будущего итальянской школы не реализовалось на практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внимательное прочтение древних текстов свидетельствует о практически полном сходстве фундаментальных теоретических основ ТКМ и древнегреческой медицины в лице Эмпедокла и Алкмеона. Вопрос, таким образом, заключается не в том, какая из теорий более «уникальна», а совершенно в другом – в какой степени эти теоретические построения получили развитие далее на практике в Греции и в Китае? Эмпедокл и Алкмеон, безусловно, внесли огромный вклад в развитие медицины. Правда, вклад так до конца и не понятый современниками, и, к огромному сожалению, в дальнейшем не разработанный в практической плоскости ни их прямыми последователями, ни кем-либо еще в Европе. Будь иначе, не было бы сегодня, скорее всего, противопоставления восточной и западной медицины. Их корни, как мы увидели, во многом едины. В этом видится безусловный залог практической успешности интегративной медицины на базе понимания сходных механизмов патогенеза и лечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боннар А. Греческая цивилизация [в 2 тт.] Т.1 / Пер. с фр. – Ростов-на/Д., Феникс, 1994. – 448 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
3. Ионичевский В.Г., Савин С.З. Хрономедицина Древнего Китая. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 119 с.
4. Карпов В.П. Гиппократ и Гиппократов сборник // Гиппократ. Избранные труды / пер. с древнегр. В.И. Руднева. – М.: Сварог, 1994. – С. 9–81.
5. Трохачев С. Ю. Потомок Асклепия // Гиппократ. Этика и общая медицина / Пер. с древнегр. В.И. Руднева. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 5–41.
6. Фрэзер Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
7. Эмпедокл. Фрагменты / пер. с древнегреч. // Якубанис Г. Эмпедокл: философ, врач и чародей: Данные для его понимания и оценки. – К.: Синто, 1994. – С. 71–146.
8. Якубанис Г. Личность. Общий характер мирозерцания // Эмпедокл: философ, врач и чародей: Данные для его понимания и оценки. – К.: Синто, 1994. – С. 15–70.

Адрес автора:

К.м.н. Лазаренко В.Г.

Факультет повышения квалификации врачей
Ижевской государственной медицинской академии
meds@istu.ru